

О. А. БОГДАНОВА

**«Образ
чистой красоты»
в романе
Ф. М. Достоевского
«Идиот»**

Когда Аглая Епанчина после полугодовой разлуки впервые встречается с князем Мышкиным на даче, которую тот снимал у Лебедева в Павловске, она наполовину в шутку, наполовину всерьез читает перед князем и его гостями стихотворение А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...». Если сравнить прочитанные героиней строки с полным текстом пушкинской баллады, то можно увидеть, что она выбросила места, где прямо говорится о влюбленности рыцаря в «Марию деву, Матерь Господа Христа».

Сама Аглая своеобразно интерпретирует пушкинское творение: «Там, в стихах этих, не сказано, в чем, собственно, состоял идеал «рыцаря бедного», но видно, что это был какой-то светлый образ, «образ чистой красоты», и влюбленный рыцарь вместо шарфа даже четки себе повязал на шею»¹. Далее в объяснении Аглаи появляется вместо идеала Богородицы некая «дама», относительно которой «рыцарю бедному» «уже все равно», кем бы она ни была и что бы она ни сделала: «...если б она потом хоть воровкой была, то он все-таки должен был ей верить и за ее чистую красоту копыя ломать» (т. 8, с. 207).

Слов «образ чистой красоты» в стихотворении «Жил на свете рыцарь бедный...» нет, но похожее выражение — «гений чистой красоты» — встречается в другом пушкинском шедевре, «Я помню чудное мгновение...», посвященном А. П. Керн, конкретной женщине, с которой автора связывали вполне земные чувства.

Ясно, что в причудливо совмещенных художественных образах Аглая хотела выразить свое понимание главной романной коллизии — взаимоотношений князя Мышкина и Настасьи Филипповны.

«Образ чистой красоты», который князь увидел в «падшей» женщине, бывшей наложнице богатого

помещика Тоцкого, вызывает в нем такое же религиозное поклонение, с каким относился пушкинский «рыцарь бедный» к «пречистой», «пресвятой» Марии. Обожествление обычной земной женщины, пусть и красавицы, — это признак гуманистической эпохи Нового времени (XVII–XIX веков), отошедшей от церковно-библейской веры. Человек в его земной природе становится «мерой всех вещей». Переосмысливается и сам образ Христа, которого теперь нередко понимают как идеального, совершенного человека, лишённого божественной природы. Таков, по замыслу Достоевского, «положительно прекрасный человек» Мышкин, «Князь Христос» (т. 9, с. 253). Другими словами, суть этого распространенного в XIX веке мировоззрения состоит в признании некоего эталона независимой от Бога «человечности», в котором добро, истина и красота соединяются в неразрывном, органическом единстве.

С таким, воспринятым через Ф. Шиллера, представлением Достоевский не желал окончательно расставаться практически всю жизнь — через девять лет после «Идиота» в «Сне смешного человека» он писал, что «люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле» (т. 25, с. 118).

По этой логике, не что иное как несправедливое социальное устройство, принудив Настасью Филипповну к унижительной роли содержанки, изуродовало ее душу, разрушило изначальную, природную гармонию ее личности. Однако восстановить утраченное единство добра, истины и красоты в Настасье Филипповне вполне под силу идеальному

человеку, каковым и является, по первоначальному замыслу автора, прибывший в Петербург из Швейцарии князь Мышкин. Не случайно в романе подчеркивается, что он долгое время жил на родине Ж.-Ж. Руссо, французского мыслителя XVIII века, утверждавшего, что человеческая природа добра, разумна и прекрасна сама по себе, в своем земном состоянии, и портится только под воздействием «дурной социальности». Руссо, по сути, отрицал христианское учение о первородном грехе и его последствиях для человека, ставшего игрушкой в руках сатаны. По его мысли, не тронутый цивилизацией «естественный человек», подобный Мышкину в начале романа Достоевского, и есть подлинный идеал «человечности», не нуждающийся в преобразении с помощью божественной силы. Вспомним, как в ответ на реплику одной из старших сестер Аглаи, Аделаиды, князь замечает: «я действительно, пожалуй, философ, и кто знает, может, и в самом деле мысль имею *поучать*... (здесь и далее курсив мой. — О. Б.)» (т. 8, с. 31). А чуть позже, в том же разговоре в гостиной Епанчиных, признается в мыслях о своей способности прожить жизнь «*умнее всех*» (т. 8, с. 53). Создается впечатление, что герой осознает себя предназначенным для некоей миссии.

Становится также понятным, почему при завязке романного действия, глядя на портрет Настасьи Филипповны и дивясь ее ослепительной красоте, князь Мышкин восклицает: «Ах, кабы добра! Все было бы спасено!» (т. 8, с. 32). Ведь «сладостная мечта», о которой говорил Пушкин в своем «Рыцаре бедном», в представлении героев романа, той же Аглаи, — это «восстановить и воскресить человека» (т. 9, с. 264). Именно с такой целью Мышкин предлагает свою руку Настасьи Филипповне в первый же день знакомства. Гуманистическая «истина», соединяясь с прекрасной внешностью и добром, воссоздаст в бывшей куртизанке «образ чистой красоты». Красота телесная в сочетании с красотой нравственной «спасет мир», потому что, как писал Достоевский еще в ста-

тье 1861 года, она «присуща всему здоровому», является «необходимой потребностью организма человеческого» (т. 18, с. 94).

Но все складывается не так, как первоначально задумывал автор «Идиота». В романе появляется «гениальная фигура» (т. 9, с. 253) Лебедева, мелкого дельца-мошеника, интригана и в то же время глубочайшего философа-парадоксалиста, толкователя Апокалипсиса. Именно он высказывает ключевые для дальнейшего понимания главных образов «Идиота» мысли: «...закон саморазрушения и закон самосохранения одинаково сильны в человечестве», «дьявол... владычествует человечеством до предела времен, еще нам неизвестного», «ослабели, ... помутились источники жизни» в «наш век паровозов и железных дорог» (т. 8, с. 311, 315).

Из сюжета становится очевидным, что в судьбе Настасьи Филипповны действует «закон саморазрушения»; в ее лице красота не спешит сочетаться с истиной и добром, хотя имеет все возможности для этого.

Во-первых, при ближайшем рассмотрении трудно назвать героиню жертвой социальной несправедливости: в 1860-е годы в образованных кругах России буквально процветал культ свободной в выборе любимого человека женщины, жениться на которой считалось «передовым» поступком. Кроме того, героиня вполне могла бы отказаться от роскошной жизни на средства влюбленных богачей, если уж так тяготилась своей «продажностью», и жить самостоятельно, скромной трудовой жизнью. Зло, но по сути справедливо бросает ей Аглая: «Захотела быть честною, так в прачки бы шла» (т. 8, с. 473). Наконец, еще в начале произведения у нее появляется возможность выйти замуж за только что получившего огромное наследство князя Мышкина, горящего желанием искупить ее прошлые страдания искренним уважением и преданной любовью.

Однако Настасья Филипповна уезжает с купцом Рогожиным, а затем в течение всего романного действия, мечется между обоими героями, доводя их до умопомрачения.

Прекрасно понимая, что собственническая страсть Рогожина грозит ей гибелью, она, тем не менее, в очередной раз убегает в подвенечном платье от Мышкина и практически сознательно идет под нож измученного ревностью Парфена.

Ею движет «бесовская гордость» (т. 8, с. 482), не дающая принять сострадание Мышкина. Поэтому и не может состояться гуманистическое «воскресение» Настасьи Филипповны, ее «возвращение» к «образу чистой красоты» (каковым она, по-видимому, никогда и не являлась). В одной из последних сцен романа, перед несостоявшимся венчанием героини с князем, собравшуюся у дома толпу поражает ее «инфернальная», демоническая красота: она вышла «бледная, как платок; но большие черные глаза ее сверкали..., как раскаленные угли» (т. 8, с. 493). «Жалость» к Настасье Филипповне сменяется у Мышкина «ужасом» перед ней: «я боюсь ее лица» (т. 8, с. 494).

В подготовительных материалах к «Идиоту» автор записал: «Сострадание — все христианство» (т. 9, с. 270). Однако под христианством он здесь понимал не почти двухтысячелетнее церковно-евангельское учение, а опиравшееся на идеи Руссо современное ему «розовое» христианство социалистов-утопистов, во главе с гуманистическим Христом, который вновь и вновь приходит в мир бороться за земную справедливость.

В процессе работы над романом художественная логика приводит Достоевского к убеждению, что натура человека глубже гуманистических «мечтаний»: «бесовство» не укротить человеческой «жалостью», а внушенную дьяволом тягу к смерти — рациональными доводами. Сострадание бессильно по отношению к Настасье Филипповне. Христианство не может быть сведено к одной «жалости»: Мышкин не «воскресил» героиню ни духовно, ни социально. В мире, лежащем во зле, даже «положительно прекрасный человек» *своими* силами не способен «спасти» другого человека, не может противостоять дьяволу без Божьей поддержки.

Однако присутствия Бога в этом произведении Достоевского не чувствуется. Никто из основных героев не посещает храма, не молится, не читает Священное Писание. Мы не встречаем в романе ни одного духовного лица. При этом отчетливо ощущается воздействие на персонажей «великого и грозного» «нечистого духа» (т. 8, с. 311), перед которым все они беззащитны. Но что здесь есть — это великая тоска по Богу. Недаром уже в следующем романе Достоевского — «Бесы» (1870–1872) — появляется святой старец Тихон, насельник православного монастыря. Он становится воплощением положительного начала, получая *от Бога* силу сопротивления бесовской стихии, сокрушающей «человечность».

Идея же романа «Идиот», по признанию писателя, «почти лопнула» (т. 28, кн. 2, с. 321), потому что гуманистический Христос оказался несостоятельным в деле «спасения» красоты от «бесовства».

Интересно, что знаменитые слова о красоте, которая «спасет мир», проходят в «Идиоте» как бы через тройной фильтр. С одной стороны, эта мысль первоначально была близка автору, потому что прозвучала еще в подготовительных материалах к роману: «Мир красотой спасется» (т. 9, с. 222). Затем ее где-то за текстом произносит еще не разуверившийся в действительности «сострадания» Мышкин. На страницах романа она впервые и единожды появляется в насмешливых речах «инфернального» героя Ипполита, называющего эту мысль князя «игривой». К тому времени Мышкин уже сменил «жалость» по отношению к Настасье Филипповне на «ужас» и на каверзный вопрос Ипполита: «Какая красота спасет мир?» — не смог ответить ничего...

Красота не может сама по себе «спасти» мир — к такому неожиданному для себя выводу приходит Достоевский в итоге своего переломного романа. — Один из признаков творения, красота *сама* нуждается в «спасении» с помощью добра и истины, но не гуманистических, а обладающих божественной силой противостоять врагу человеческо-

го рода. Гармония добра, истины и красоты может быть достигнута только в Боге, а не в мирском идеале «человечности». А значит, «образ чистой красоты» оказывается утопией.

Это подтверждает и романная судьба другой необыкновенной красавицы «Идиота» — Аглаи Епанчиной. В отличие от Настасьи Филипповны, она «порядочная» девушка — генеральская дочь, блестящая невеста, окруженная любящей семьей и почтительными искателями ее руки. Князь Мышкин издали считает Аглаю «светом»; не знакомая с ней лично Настасья Филипповна пишет ей восторженные письма: «вы... совершенство», «вы невинны» (то есть лишены греха) (т. 8, с. 379–380). Один из поклонников называет ее «божественной девушкой» (т. 8, с. 482).

Однако в оценке близко знающей ее матери Аглая — «злая», «самовольная», «фантастическая», «безумная» (т. 8, с. 271, 273), а для отца она — «хладнокровный бесенок» (т. 8, с. 298). Интересно, что те же самые определения постоянно сопутствуют на страницах романа Настасье Филипповне.

По мере развития сюжета, сближаясь с младшей Епанчиной, Мышкин замечает в ней все больше «мрачного», «нетерпеливого», «капризного» (т. 8, с. 434). Пораженный ее ревнивой ненавистью к Настасье Филипповне, он бормочет, с болью теряя в Аглае свой идеал: «Вы не можете *так* чувствовать...» (т. 8, с. 364). Когда же героиня проявляет светлые черты характера, он радуется: «Ах, как вы прекрасны *можете быть*...» (т. 8, с. 436). К концу романа князь относится к Аглае почти так же, как и к ее сопернице, называя «безумной» и «ужасаясь» иным взглядам ее в последнее время, иным словам» (т. 8, с. 467). В сцене свидания двух женщин, в которой также участвовали Мышкин и Рогожин, Аглая проявляет «почти беспредельную гордость», «ужасное наслаждение мщения», «невыразимое высокомерие». «И я ее за ангела почитала!» (т. 8, с. 473) —

могли бы посетовать вместе с Настасьей Филипповной все остальные персонажи.

Получается, что «образ чистой красоты» был в Аглае иллюзией; кроме разрушительных страстей, поднимающихся из глубин ее существа, ничто — никакая социальная несправедливость или одиночество, как в случае с Настасьей Филипповной, — не может объяснить «бесовского характера» «гордой барышни» (т. 8, с. 298, 473).

«Положительно прекрасный человек» и здесь оказался бессильным спасти красоту из демонического плена. Свадьба с Аглаей не состоялась, как и свадьба с Настасьей Филипповной. Первая красавица, исходя из авторской системы ценностей, погибла духовно, оторвавшись от России и став марионеткой в руках польского авантюриста-католика. Вторая, как уже говорилось, была зарезана одержимым ревнивцем. Сам «Князь Христос» ушел от мира в неизлечимую душевную болезнь.

В мире без Бога судьба красоты ужасна, свидетельствует Достоевский своим романом: с неизбежностью становится она орудием «нечистого духа».

В следующих произведениях романист подходит к теме красоты преимущественно с религиозно-философским ключом. И все же отблески прежнего, гуманистического, «шиллеровского», понимания красоты сохраняются у Достоевского до конца его творческого пути — достаточно вспомнить любование «живой жизнью» в облике Катерины Николаевны Ахмаковой («Подросток») или восхищение русской красавицей Грушенькой, сохранившей чистую любящую душу одновременно с обретением прочного житейско-практического положения («Братья Карамазовы»).

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 8. С. 207. Далее в тексте статьи ссылки на это издание даются в круглых скобках.